

А. Т. Шашков

К ИСТОРИИ ВОСКРЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ И ЦЕРКВЕЙ ГОРОДА БЕРЕЗОВА

Уже в XVII в. в Березовском крае существовало два монастыря – кодский Троицкий (позднее его будут называть Кодинским или Кондинским) и березовский Воскресенский. Но если история первого из них изучена достаточно хорошо, то о втором из-за скудости сохранившихся источников исследователи упоминают лишь попутно, допуская иногда при этом нелепые ошибки.

Так, например, В. И. Кочедамов в своей книге о первых сибирских городах без всяких ссылок на источники сообщает: «Южнее города за оврагом были основаны Вознесенский (разрядка моя. – А. Ш.) и Воскресенский монастыри. Время их возведения неизвестно. Воскресенский в 1724 г. был закрыт, а Вознесенский уничтожен пожаром 1719 г.» [Кочедамов, 1978, 105]. На самом деле никакого Вознесенского монастыря в Березове никогда не существовало. А появился он в работе В. И. Кочедамова, подобно незабвенному подпоручику Кижэ, из-за досадной опечатки, допущенной еще в середине XIX в. в одной из статей Н. А. Абрамова, где при описании большого пожара в Березове в 1719 г. Воскресенский монастырь был ошибочно назван Вознесенским [Абрамов, 1998, 498; ср.: Там же, 504].

Иногда путаница возникает из-за того, что в Березове, помимо соборной церкви Рождества Богородицы, воздвигнутой одновременно со строительством города в 1593 г., уже в начале XVII в. появились две Воскресенских церкви, причем обе находились вне города. Об одной из них, связанной с Воскресенским монастырем, будет сказано ниже. Другая же – Воскресенская приходская церковь, основанная в 1605 г. за пределами пристроенного к городу острога, была возведена на средства местных жителей и содержалась за счет их пожертвований. Из-за нехватки места в укрепленной части Березова она оказалась вскоре в окружении пятнадцати дворов служилых людей. Очевидно, слухи о готовящемся нападении на город восставших остяков вызвали у них беспокойство, в связи с чем в начале 1607 г. ими была подана челобитная с просьбой «для храму и для острожной тесноты острогу прибавить». Первого апреля того же года царь Василий Шуйский в своей грамоте воеводе князю П. А. Черкасскому и голове И. И. Зубову такое разрешение дал [см.: Миллер, 2000, 230]. Последовавшие вслед за этим события (двухмесячная осада Березова остяками весной 1607 г. и дальнейшее подавление мятежа) отодвинули вопрос об увеличении острога на второй план. Затем решено было «город Березов делать новой». Однако сменившие П. А. Черкасского и И. И. Зубова на березовском воеводстве С. И. Волынский и Ю. Я. Стромилов, осмотрев город, пришли к выводу, что ему еще «мочно стоять лет 10 и больше». Поэтому в царской грамоте от 16 июня 1610 г. повелевалось нового города не строить, а лишь увеличить острог, «сколько будет пригоже» [Там же, 255]. Но и этот замысел остался лишь на бумаге. Только в 1617 г., при воеводе

Б. Л. Зюзине и голове В. С. Нармацком, были наконец-то «на Березове новой острог и башня Лесная поставлены» [Первое столетие, 1996, 75]. Судя по всему, именно тогда приходская церковь во имя Воскресения Христова оказалась в остроге.

Прежде чем обратиться к основным вехам истории Воскресенского монастыря в Березове, необходимо вспомнить эпизод, связанный с появлением в остояцком Кодеком княжестве первых православных церквей. Еще в 1599 г. принявшие в Москве христианство «коцкая княгиня князь Игичеева мать Алачева Настасья да князь Игичеев сын князь Петр» подали на имя царя Бориса Годунова челобитную, в которой просили «в их вотчине в Коде устроить наше богомолье, храм во имя Живоначальной Троицы да предел Чудотворца Николая», и получили на это разрешение. Согласно царской грамоте от 10 сентября того же года, необходимое для службы «церковное строение, образы и книги и колокола» были посланы из Москвы через Тобольск в Березов. Одновременно князю Петру велено было «в Березове для храма наимовать плотников, и попа велели приговорити». Вскоре и сам Игичей Алачев попросил отпустить его в Москву, дабы «креститься бы ему и быть с матерью своею и с сыном в одной вере» [Миллер, 2000, 181–182].

Около 1602 г. храм в Коде, для которого выбрали место на правом, высоком, берегу Оби, был наконец-то построен. Присланный сюда из Березова черный поп Евстратий (сам себя он называл игуменом и был, очевидно, из ссыльных) поначалу оказался фактически без прихожан и стал проситься обратно. Однако в ответной царской грамоте ему недвусмысленно велели «быть по-прежнему у Живоначальной Троицы и у Николы Чюдотворца» [СПБО АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 16, 132–133]. После того как Алачевы переехали с речки Ходос-Юган в свою новую резиденцию – Кодский городок, возникший около церкви, при ней образовался и приход. В основном он состоял из членов семьи князя Игичея – его матери Анастасии, жены Анны Пуртеевой и ее родственников, сыновей Петра, Григория, Ивана и Михаила, а также нескольких их холопов, принявших крещение по настоянию своих хозяев. Кроме того, Троицкий храм посещали десять березовских казаков, присылавшихся на годовую службу в Коду для «береженья» княжеской семьи от набегов кондинских вогулов. По некоторым сведениям, в том же 1602 г. вернувшийся из Москвы Игичей Алачев построил в Кодеком городке еще одну церковь – во имя святых Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев [см.: Головин, 1891, 40].

После смерти Игичея, умершего около 1603 г., власть в Кодеком княжестве фактически оказалась в руках его двоюродного брата Онжи Юрьева, являвшегося закоренелым язычником. Недаром в 1606 г. он добился у царя Василия Шуйского возвращения ему из березовской казны «Палтыш-болвана» – языческого символа власти в Кодеком княжестве, принадлежавшего ранее Игичею Алачеву [см.: Миллер, 1999, 407].

Наступившие в Нижнем Приобье, как и во всем Русском государстве, «смутные времена» ознаменовались антирусским восстанием остояков Березовского уезда в 1607 г. и неудачной попыткой кодской княгини Анны Пур-

теевой поднять новый мятеж в 1609 г. [Очерки, 1995, 107–111; Очерки, 2000, 147–150], что привело к полному упадку «государева богомолья» в Коде. Как писал в конце 1609 г. в своей челобитной игумен Евстратий, «жил де он в приходе у князь Игичеевские княгини Анны, а ныне де она за приставом на Березове в изменном деле, и ему де туту быть не у чего, приходу де никакого нет; а которые де служилые люди, годовалшики, из Березова приезжали по десяти человек, и те де служилые люди сведены на Березов». В царской грамоте, посланной березовским воеводам 27 февраля 1610 г., было велено «из Кодского острогу образы и книги и всякое церковное строенье и игумена Еустратья перевести на Березов, буде ему жить не у чего, и велели ему служить у церкви, где пригоже» [РИБ, 1875, 172–173].

Есть все основания полагать, что именно игумен Евстратий, возвратившийся в 1610 г. из Кодского городка в Березов, стал основателем небольшой монашеской общины при Воскресенской церкви, возведенной тогда же на казенные средства за двумя оврагами вне пределов города и острога. Служившему в церкви Евстратию определили годовую денежную ругу в размере 8 рублей, а также хлебное и соляное жалованье. Сюда же, очевидно, передали иконы, книги и церковную утварь из кодского Троицкого храма. Первыми постриженниками здесь были, по всей видимости, престарелые березовские ветераны. Через несколько лет игумен Евстратий умер, а Воскресенский монастырь пришел в упадок и фактически перестал функционировать.

Тем временем приехавший 30 мая 1621 г. в Тобольск первый архиепископ Сибирский Киприан (Старорусенков) развернул активную деятельность по восстановлению старых и строительству новых церквей и монастырей в своей епархии. В числе прочего он «послал на Березов в Воскресенской в старой монастырь игумена Тарасия, постриженника Корезенского (очевидно, Коряжемского. — А. Ш.) Николского монастыря Соли Вычегодские уезда. А велел ему тот монастырь отписать воеводе и отдать Тарасию з братьею вместе» [Тобольский архиерейский дом, 1994, 177–178]. По особому царскому указу новый игумен и белый поп монастырской Воскресенской церкви обеспечивались отныне «годовым жалованьем, денежною и хлебною ругою». Игумену Тарасию первоначально был передан 8-рублевый денежный оклад покойного Евстратия, но уже через год ему по царской грамоте было «прибавлено... 2 рубли». Таким образом, он стал получать «денег по десяти рублей, ржи десять четвертей, овса то ж, по две четверти круп и толокна», а также полтора пуда соли. Белый поп Воскресенской монастырской церкви Василий Иванов получал годовой руги по 8 рублей денег, «по 6-ти чети муки, по 2 чети круп и толокна, по полу-2 (полтора. — А. Ш.) пуда соли» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1451, 593–593 об.; оп. 5, д. 6, 41–41 об., 122, 170, 281–282].

К первым годам существования восстановленного в Березове монастыря относится одно духовное дело, возникшее 21 ноября 1624 г., в день Введения во храм Пречистой Богородицы. По случаю этого праздника березовский воевода князь Ф. А. Козловский устроил у себя дома пир. Когда пили за здоровье патриарха Филарета, поп Воскресенской монастырской церкви Василий Иванов, раздававший чаши с вином гостям, хотел принять свою чашу у

игумена Тарасия, выполнявшего роль виночерпия, через стол. «И игумен де ему патриарши чаши через стол принять не дал». Тогда обиженный поп со словами: «мне де твое игуменово благословение не дорого», – взял другую чашу и, не выходя из-за стола, выпил ее. Разбирательство по этому поводу, длившееся более года, завершилось тем, что архиепископ Сибирский и Тобольский Макарий «за такое бесчинство попу Василью учинил смирение: шесть недель у игумена Тарасия в келье на всякой день перед образом Спасовым с молитвою Иисусовой класть по тысячи поклонов» [Тобольский архиерейский дом, 1994, 216–217, 229–231].

Между тем березовская соборная церковь Рождества Богородицы полностью обветшала и в 1620 г. была отстроена заново. Тогда же у нее появился (а может быть, и был восстановлен) придел во имя великомученика Феодора Стратилата (напомню, что этот святой являлся «ангелом» царя Федора Ивановича; вместе с тем это имя носил до своего пострижения и тогдашний патриарх Филарет, отец царя Михаила Федоровича).

Строилась новая соборная Рождественская церковь на казенные средства «наемными людьми» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 289, 29]. В 20-х – первой половине 30-х гг. XVII в. ее священником был Тимофей Михайлов, диаконом – Иван Тимофеев (возможно, его сын). Кроме того, при церкви числились пономарь (в начале 1620-х гг. им был Кондрашка Петров, которого затем сменил Вешнячко Иванов) и просвирница (ее звали Маврой). Все они обеспечивались годовой ругой – деньгами, хлебом и солью [см.: Там же, оп. 5, д. 6, 41 об., 122–122 об., 170 об., 282–282 об.].

Четвертая по времени своего возникновения березовская церковь (после Рождественской и двух Воскресенских) появилась при следующих обстоятельствах. В 1623 г. просияла чудесами икона Смоленской Божией Матери Одигитрии, стоявшая на городской въездной башне Березова. Рассказы об этом довольно скоро попали в рукописную традицию, о чем свидетельствует составленная не позднее конца 20-х гг. XVII в. хронографическая повесть московского происхождения «О победе на бесерменского царя Кучума...»: «В том же граде (Березове. – *А. III.*) есть образ владычицы наша Богородицы честнаго и славнаго ея Одигитрия. От того же святаго образа многая чудеса и исцеления бывають с верою приходящим, аки реки милостивых чудес изливаются! О премногих чудесех того святаго образа написано инде (т. е. в другом месте. – *А. III.*)» [Летописи, 1991, 48]. В честь этой иконы на посаде, прямо напротив башни с городскими воротами, была построена на казенные средства новая ружная церковь, куда сам образ Богородицы Одигитрии торжественно перенесли и установили ему празднество 19 октября. Впоследствии березовский воевода стольник И. Ф. Грибоедов, в 1686–1687 гг. исцелившийся благодаря молитвам перед вышеназванной иконой от тяжелого недуга (он был болен рожей), составил полное описание происходивших от нее чудес [см.: Абрамов, 1998, 501; Сулоцкий, 2000а, 237–238]. Постройку самой Одигитриевской церкви следует, очевидно, отнести ко второй половине 20-х гг. XVII в., поскольку в березовских именных книгах окладного жалованья середины 1620-х гг. ее ружники еще отсутствуют.

В 1635 г. на место умершего Тарасия из Тобольска в березовский Воскресенский монастырь прислали черного попа Питирима. Вместе с ним приехали еще два ружных белых попа – Степан и Афанасий Ивановы. Первый стал служить в Воскресенской церкви при монастыре, второй – в соборной Богородице-Рождественской церкви, сменив прежнего священника Тимофея Михайлова. Дяконом при нем состоял Авраамий Макарьев, пономарем – Микитка Давыдов, просвирницей – Неонила. Священником Одигитриевской приходской церкви являлся в это время Федор Григорьев, дьячком – Ларка Шумилов [см. об этом: РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 67, 134–137; оп. 3, стб. 60, 392 об.; Буцинский, 1999, 264]. Через пять лет в составе клира и причта ружных церквей г. Березова произошли некоторые изменения: попом Одигитриевской церкви вместо Федора Григорьева стал бывший рождественский диакон Авраамий Макарьев, а в его диаконский оклад был поверстан Матвей Андреев. Кроме того, одигитриевским дьячком вместо Ларки Шумилова теперь являлся Томилко Иванов. Оказалась также вакантной должность рождественской просвирницы Неонила [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 140, 306–306 об.].

Во время страшного пожара, случившегося в Березове в 1642 г., «государево богомолье, церковь Рожества Пречистыя Богородицы да предел великомученика Федора Стратилата» полностью сгорели. В 1644 г. березовский воевода М. К. Квашнин в своей отписке царю Михаилу Федоровичу, жалуясь на отсутствие казенных средств, просил решить вопрос об их восстановлении, указывая при этом, что для нового собора необходимы «двери царские с сенью и с столбцы, сосуды служебные, паникадило, да кадило кадилное, да книг: Потребник, два Трефолои с марта месяца, Пролог с сентября месяца» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 134, 330–331].

К тому времени в Москве уже знали из предыдущей отписки того же Квашнина, что в новом остроге, возведенном вместо города, «поставлена церковь во имя Ильи Пророка» [Миллер, 2000, 572]. Однако от идеи восстановления Богородице-Рождественского собора здесь не отказались: в 1646 г., уже при новом царе Алексее Михайловиче, в Березов был послан «деисус одиннатцати икон», но ставить его оказалось некуда, поскольку М. К. Квашнин собор «государевой казною... строить не смел». Решать эту проблему пришлось очередному березовскому воеводе М. С. Лодыженскому. Получив 2 июля 1647 г. царскую грамоту с предписанием «на Березове соборную церковь велеть строить всякими березовскими тутошними людьми не замочтав», он уже на другой день собрал местных жителей и объявил им о государственной воле. В ответ те составили коллективную челобитную, в которой жаловались, что «после пожарново разоренья» они в течение пяти прошедших лет «дворишками своими еще не населились», поскольку «лес... от Березова удалел». Поэтому им «соборные церкви Рожества Пречистые Богородицы и предел великомученика Федора Стратилата ставить невозможно», так как они «обнищали и обдолжали великими неоплатными долги». В связи с этим березовские служилые люди просили царя велеть строить собор «своею государевою казною наемными людьми или приезжими всякими торговыми и промышленными людьми, чтоб нам, холопом твоим, в том великие тягости и нужи не

было». После получения этой челобитной в Сибирском приказе 29 февраля 1648 г. была от имени царя составлена новая грамота, в которой воеводе М. С. Лодыженскому повелевалось Богородице-Рождественский собор «строить березовскими всякими людьми против прежнего нашего указу» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 289, 27–32].

В 1650-х гг. соборная церковь Рождества Богородицы с приделом во имя Феодора Стратилата уже функционировала. Попом в ней был Авраамий Макарьев, переведенный из Одигитриевской церкви (на его должность взяли Амфилохия Иванова). Рождественским диаконом вместо Матвея Андреева стал Афанасий Обросимов. Пономарем, как и прежде, являлся Микитка Давыдов, а обязанности просвирницы исполняла вдова Марфица Григорьева [Там же, оп. 1, кн. 341, 377–378].

Иначе обстояло дело в Воскресенском монастыре. В его церкви вместо Степана Иванова уже давно служил белый поп Андрей Семенов. Что касается черного попа Питирима, то он в 1652 г. был отпущен из Березова в Тобольск и больше сюда не возвращался [Там же, 378 об.], в связи с чем обитель вновь пришла в упадок. Тем временем в 1654 г. на правом берегу Оби, на месте двух стоявших «бес пения» после ликвидации Кодского княжества церквей – Троицкой и Зосимо-Савватиевской, появился кодский Троицкий монастырь [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 400, 154–157, 218–221 об.; СПБО АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 16, 268 об.–269 об.]. Сюда-то и перевели в 1656 г. братию и имущество Воскресенского монастыря. Тем не менее на вакантную должность черного попа Питирима в течение многих последующих лет продолжали назначать ругу. Судя по всему, этими деньгами и хлебом березовские воеводы распоряжались по своему усмотрению. Так, в 1656 г. воевода С. А. Малово добавил из хлебного оклада Питирима две четверти ржи, две четверти овса и полпуда соли рождественскому попу Аврамию Макарьеву, однако через год новый воевода И. М. Милюков данную надбавку ликвидировал, мотивируя это тем, что она сделана «без государева указу» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 341, 377–377 об.].

В 1657 г. в составе клира и причта ружных березовских церквей произошли новые перемены: одигитриевский священник Амфилохий (или Амфилофий, как его называют документы) Иванов был взят в Тобольск, а вместо него по благословению Симеона, архиепископа Сибирского и Тобольского, был назначен рукоположенный в попы бывший рождественский диакон Афанасий Обросимов. Поскольку нового диакона из Тобольска не прислали, это место в Богородице-Рождественском соборе какое-то время было вакантным. Дьячком при Одигитриевской церкви стал Савка Обросимов сын Оболтин (возможно, родной брат Афанасия Обросимова). Тогда же была «за старостию отставлена» просвирница Марфица Григорьева, а на ее место взяли вдову Марьицу Иванову [Там же, 377 об.–379]. В 1658 г. Марьица умерла, а в ее оклад поверстали другую вдову – Огрофеньицу Иванову [Там же, кн. 398, 211 об.].

Через несколько лет после этого крепостные сооружения Березова подверглись перестройке: в 1664 г. был «зделан на Березове около посаду и служилых людей дворов новой острог для того, что в 171-м (1663-м. – А. III.)

году иноземцы, остяки и самоедь, хотели Березов город взять и служилых людей побить». В 1668 г. новый острог был также «поставлен на прежнем городском месте». При его строительстве, несмотря на тесноту («мерую кругом острогу» было всего лишь «150 сажень с полуаршином» [Первое столетие, 1996, 158]), Богородице-Рождественская соборная церковь с приделом во имя Феодора Стратилата и приходская церковь во имя Ильи Пророка, содержавшаяся на средства местных жителей, остались на своих местах. По-прежнему продолжали стоять на посаде ружная Одигитриевская и существовавшая за счет прихода Воскресенская церкви.

В эти годы в ружных березовских храмах служили прежние священники. Лишь в Богородице-Рождественском соборе появились новые диакон (им стал Антон Осипов) и пономарь (им являлся Петрушка Аврамов, вероятно, сын соборного попа Авраамия Макарьева) [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 489, 3–3 об.]. К началу 1680-х гг. рождественским попом в Березове был уже Макарий Федоров, диаконом – Василий Клементьев, пономарем – Гришка Макаров Попов (он, судя по всему, также являлся сыном соборного попа), просвирницей – Анница Иванова дочь. В монастырской Воскресенской церкви наконец-то появился новый черный поп, которого звали Макарием. Белым попом здесь стал бывший рождественский диакон Антон Осипов (или Иосипов, как его иногда называют документы). В Одигитриевской церкви также произошли перемены: попом в ней служил теперь Петр Иванов, дьячком – Савинко Котельников [Там же, кн. 777, 10–10 об., 150–150 об.]. В 1683 г. рождественский пономарь Гришка Макаров Попов был поверстан в пушкари, а вместо него пономарем стал его родной брат Ондрюшка [Там же, 2].

В 1686 г. черного попа Макария перевели в Тобольск, а его самого по митрополичьей грамоте заменил черный поп Иона. Одновременно взяли в Тобольск и одигитриевского священника Петра Иванова, а на его место перевели воскресенского попа Антония Осипова, вместо которого попом в Воскресенской монастырской церкви стал бывший рождественский диакон Василий Клементьев. Освободившуюся в Богородице-Рождественском соборе диаконскую должность занял Савинко Васильев (скорее всего он и одигитриевский дьячок Савинко Котельников являлись одним и тем же человеком, о чем косвенно свидетельствуют березовские именные книги денежного и хлебного жалованья на 1686/87 г., в которых дьячком в Одигитриевской церкви назван уже Пашка Иванов) [Там же, кн. 1121, 22–22 об., 49–49 об.].

В 1689 г. умерла рождественская просвирница Анница Иванова, в связи с чем на ее место была поверстана другая женщина – Марьяца Павлова. Тогда же куда-то исчез из Одигитриевской церкви поп Антоний Осипов, вместо которого в березовской именной книге денежного жалованья назван поп Никита Иванов [Там же, кн. 932, 29–29 об.].

В последние годы XVII в. в церковной жизни Березова произошли существенные изменения. Так, священник соборной церкви Рождества Богородицы Макарий Федоров был произведен в протопопы. Сменился здесь и пономарь: вместо Пашки Иванова, переведенного в диаконы Воскресенской цер-

кви, им стал Обросим Добрынин. В Одигитриевской церкви начали служить аж два священника: в нее вернулся упоминавшийся выше Антоний Осипов, сменивший прежнего попа Никиту Иванова, а также добавился новый – Павел Яковлев. Кроме того, должность дьячка здесь заменили на диаконскую (ее занял Андрей Иванов). Но главные перемены коснулись «новопостроенного» Воскресенского монастыря, где вместо черного попа Ионы вновь появился игумен, которого звали Филаретом. В монастырской церкви Воскресения Христова с 1695 г. тоже стали служить два белых попа – прежний, Василий Клементьев, и новый, Василий Антонов [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1099, 25–26; кн. 1461, 47 об.–48, 78 об.–79 об.].

Восстановление березовского Воскресенского монастыря в конце XVII в. было связано с именем ссыльного иеромонаха Михаила Харзеева. Постриженник Соловецкого монастыря, он, будучи еще иеродиакон, исполнял здесь обязанности конархиста (регента церковного хора); во время знаменитого Соловецкого восстания 1667–1676 гг. он вместе с другими старцами сидел в осаде, но, оказавшись в оппозиции к тогдашнему радикальному руководству обители, которое пушками и пищальми отстаивало правоту «старой веры», был 19 октября 1671 г. вместе со старцем Яковом Соловаровым выслан из Соловков в Сумский острог [Чумичева, 1998, 81, 116]. Сумев оправдаться и получив свободу, Харзеев через некоторое время сблизился с новгородским митрополитом Корнилием, который назначил его в 1675 г. строителем Пертоминского Спасо-Преображенского монастыря. Благодаря бурной деятельности Харзеева, особенно после того, как во время многочисленных поездок в Москву ему удалось установить тесные контакты с ближайшим окружением царевны Софьи Алексеевны, фактически правившей страной после Стрелецкого восстания 1682 г., Пертоминская обитель вступила в полосу своего расцвета. Но в 1689 г., в связи с неудачным «заговором» Ф. Л. Шакловитого и последовавшим за этим падением правительства Софьи, и над головой Михаила Харзеева сгустились тучи. Поэтому, прихватив казенные деньги и некоторые монастырские грамоты, он ударился в бег, но был пойман в Москве и в начале января 1690 г. отправлен для следствия в Холмогоры, в резиденцию своего недруга Афанасия Любимова, архиепископа Холмогорского и Важского [см.: Приклонский, 1927]. Обвиненный в целом ряде должностных преступлений, Харзеев был сослан в Сибирь.

Но и здесь опальному старцу повезло: 12 февраля 1693 г. в Тобольск прибыл новый митрополит Игнатий (Римский-Корсаков). Представитель старинного и знатного дворянского рода, опытный администратор и крупный церковный писатель, он, как и Михаил Харзеев, пользовался в свое время покровительством правительницы Софьи. После ее падения он вступил в конфликт с Нарышкиными, родственниками молодого царя Петра Алексеевича, что и привело своенравного Игнатия к почетной ссылке в Сибирскую епархию.

С Михаилом Харзеевым Игнатий, судя по всему, познакомился еще на Севере, когда исполнял в 1677–1680 гг. в Соловецком монастыре обязанности екселеиарха (уставщика), ибо Пертоминская обитель тогда подчинялась непосредственно Соловкам. Встречались они и в Москве, когда Игнатий в

1680–1683 гг. жил на Соловецком подворье, а с 1685 г. принял под начало привилегированный Новоспасский монастырь. И вот теперь их жизненные пути пересеклись в Сибири. Возобновление контактов старых знакомых принесло свои плоды: уже в 1694 г. Воскресенский монастырь в Березове был по благословению сибирского митрополита восстановлен, а его строителем (экономом) владыка назначил «ссылного старца Михайло Харзеева, которого святейший Иоаким патриарх сослал с клятвой и запрещением за ево непристойные и злые дела». Эта нелестная характеристика, данная строителю Березовской обители, содержалась в челобитной кодских монахов 1698 г., появившейся в связи с тем, что митрополит Игнатий, радея своему приятелю, передал в его подчинение и кодский Троицкий монастырь, а Харзеев, по словам челобитчиков, принялся его беззастенчиво грабить [СПБО АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 16, 271–271 об.].

К тому времени сам митрополит Игнатий Римский-Корсаков оказался в весьма сложной ситуации: незаконные и жестокие действия десятильников – особых должностных лиц духовного управления, назначаемых на места тобольским владыкой из числа софийских детей боярских, породили в 1697–1698 гг. громкое дело, начавшееся по многочисленным жалобам тюменских и туринских жителей. Расследование злоупотреблений десятильников привело к открытой ссоре Игнатия с представителями местной светской власти. 16 августа 1697 г. владыка отлучил от церкви тобольских воевод А. Ф. и А. А. Нарышкиных со всеми их семьями и домашними, а 21 августа известие о церковном отлучении получил также туринский воевода В. Е. Лутовинов. Верховной власти в лице тогдашнего главы Сибирского приказа думного дьяка А. А. Винуса пришлось приложить немало усилий для разрешения этого конфликта [см.: Покровский, 1986, 146–189]. В конце концов провинившиеся десятильники были сурово наказаны, Нарышкиных весной 1698 г. сменили новые воеводы – князья М. Я. и П. М. Черкасские, а кредит доверия митрополиту Игнатию в глазах московских властей был окончательно исчерпан.

Лишенный поддержки владыки, Михаил Харзеев в очередной раз оказался под следствием, а березовский Воскресенский монастырь в 1699 г. по царской грамоте был вновь закрыт, несмотря на то, что 10 августа того же года «били челом великому государю березовские всяких чинов служилые люди, чтоб по прежним великого государя грамотам и по их дедов и отцов их челобитью быть тому Воскресенскому монастырю на Березове по-прежнему для престарелых людей и для скоропостижной смерти по обещанию хотящих монашествовати» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1451, 593–593 об.].

Именные книги окладного денежного и хлебного жалованья г. Березова позволяют, как это было показано выше, проследить основные изменения, происходившие в составе клира и причта местных ружных церквей. О храмах же, содержащихся на средства прихожан, нам практически ничего не известно. Вызывает также вопросы топография березовских церквей в XVII – начале XVIII в. Редкую возможность хоть как-то разобраться в их местоположении дает изображение «града Березова», сделанное в 1701 г. тобольским

сыном боярским С. У. Ремезовым в его «Чертежной книге Сибири». На нем в Малом (городовом) остроге, у южной стены, сразу же за въездными воротами, помещен рисунок двух церковных зданий, примыкающих к высокой колокольне. Это, несомненно, соборный храм Рождества Богородицы с приделом во имя великомученика Феодора Стратилата. Немного правее за ним нарисована еще одна небольшая церковь (судя по всему, Ильинская). В Большом (посадском) остроге, прямо напротив главной проезжей башни, дано изображение третьего храма, который можно определить как Одигитриевский. В том же Большом остроге, у южной стены возле угловой башни, сделан рисунок трехкупольной церкви. Это, скорее всего, приходская Воскресенская церковь с двумя приделами. Вне крепости, напротив восточной стены Малого острога, за двумя оврагами, обозначена пятая церковь, стоящая неподалеку от берега Вогулки в окружении нескольких строений. Это, безусловно, монастырская церковь Воскресения Христова, что подтверждает имеющаяся немного выше надпись: «Воскресенский м[онастырь] новой». Левее, на возвышенности между двумя оврагами, нарисовано разделенное на три части здание, к которому дано пояснение: «3 жит[ницы] (по всей видимости, эти «житницы» также принадлежали Воскресенскому монастырю. – А. Ш.)» [Чертежная книга, 2003, 18].

После отъезда в Москву митрополита Игнатия Сибирская епархия два года жила без архипастыря. Назначенный на эту должность архимандрит Спасского монастыря г. Новгорода-Северского Димитрий (Туптало), сославшись на слабое здоровье, ехать в далекий Тобольск отказался и был вскоре переведен на митрополичью кафедру в Ростов Великий. В Сибирь же решено было послать архимандрита Брянского Успенского Свенского монастыря Филофея (Лещинского), который в апреле 1702 г. и прибыл на место.

Первым делом новый архиерей занялся материальным обеспечением сибирского духовенства и его профессиональной подготовкой. Требовали незамедлительного решения и другие вопросы епархиальной жизни, весь спектр которых был представлен Филофеем в посланной им в конце 1702 г. на имя царя челобитной с приложенными к ней «просительными статьями» о церковных нуждах. Одна из них была специально посвящена больному для Филофея вопросу: «Чтоб в Сибири Троецкому Кодскому монастырю и крестьянам быть под митрополитом во всяком повиновении по-прежнему, как и прежде тот монастырь ведали архиереи». Владыка не мог смириться с тем, что после жалобы кодских монахов на Михаила Харзеева и дела о десятильниках монастырь был фактически выведен из-под митрополичьей юрисдикции. Однако его ждало разочарование: согласно помете думного дьяка А. А. Виниуса, отвечавшего Филофею от имени царя, повелевалось и впредь «Троицкому Кодскому монастырю по-прежнему быть особо, а к новым монастырям не приписывать, и Софийскому дому детей боярских никого в Кодской монастырь и в их вотчину на Исеть не посылать» и никаких поборов с них не брать, «а ведать митрополиту того монастыря игуменов и старцов только в духовных делах» [Сулоцкий, 2000б, 85].

Летом 1704 г. Филофей Лещинский совершил путешествие в Березов, где встречался с ляпинским князем Шекшей и обдорским князем Тучабалдой, которые пообещали креститься, если на то будет государев указ и за ними сохранится их прежняя власть. Очевидно, тогда же Филофей пришел к мысли о необходимости восстановления березовского Воскресенского монастыря. А в 1706 г. митрополита вызвал в Москву новый начальник Сибирского приказа князь М. П. Гагарин и предложил ему представить в особой челобитной на имя царя программу массовой христианизации коренных народов Северо-Западной Сибири, что тот и сделал. По этой челобитной и по приложенным к ней «доносительным статьям», в которых Филофей изложил свои основные нужды также и по другим вопросам, в Сибирском приказе была составлена соответствующая выписка и на ее основании принято в целом положительное решение самого М. П. Гагарина [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1451, 584–594].

Пользуясь случаем, митрополит Филофей в числе прочего добился подчинения себе не только кодского Троицкого, но и невянского Богоявленского монастыря, а также получил разрешение на возобновление Воскресенской обители в Березове. Сразу же после возвращения из Москвы в Тобольск в 1707 г. он послал туда благословенную грамоту о восстановлении монастыря [СПБО АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 16, 252–253]. Вскоре сюда приехал новый игумен Никифор. В Воскресенской монастырской церкви из прежних попов все еще оставался Василий Антонов, в то время как Василия Клементьева сменил новый поп Никита Иванов [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1580, 24 об.–25].

В том же 1707 г. митрополит Филофей приступил к осуществлению своей программы христианизации Сибири, послав в Березов миссионеров, однако их поездка по Оби каких-либо существенных результатов не принесла. В 1710 г. назначенный в Сибирь первым губернатором князь М. П. Гагарин привез тобольскому архиерею еще один указ, написанный от имени царя Петра Алексеевича, в котором вновь предписывалось крестить остяков, «идолы огнем палить и рубить и капища их разорить»; тем же «иноверцам», кто ослушается царского указа, грозила «казнь смертная» [Памятники, 1882, 413–414]. Эти суровые меры демонстрировали, по всей видимости, административное рвение самого сибирского губернатора, и являвшегося собственно автором указа. Впрочем, уже в 1714 г. правительство опять ввело запрет на насильственное крещение, противоречащее всему предшествовавшему светскому законодательству по поводу обращения «иноверных» в православие.

Между тем митрополит Филофей, принявший еще в 1709 г. из-за тяжелой болезни схиму в тюменском Троицком монастыре под именем Феодора и передавший бразды правления в епархии новому владыке Иоанну Максимовичу, после своего выздоровления решил посвятить остаток жизни миссионерской деятельности в Сибири. В 1712 г., получив от князя Гагарина «изобильную» помощь, схимонах Феодор отправился со своими людьми «водным плаванием» от остяцких «первых жилищ... по Иртышу... в трех днях... от Тобольска» до Березова. Основным местом деятельности миссионеров стали

Белогорская волость, Кодские городки и Шоркарские юрты [см.: Краткое описание, 1999].

Через год миссионеры во главе со схимонахом Феодором вновь побывали в этих местах, продолжая обращать в христианство жителей Васпукольской, Казымской, Шоркарской, Белогорской и других волостей. Христианизация народов Нижнего Приобья продолжилась и в следующем (1714) году. Тогда же были окрещены вогулы шести волостей Пелымского уезда, а один из местных кодинских князей по имени Нахрач, попытавшийся оказать сопротивление миссионерам, был арестован и впоследствии казнен.

В 1715 г., после смерти владыки Иоанна Максимовича, схимонах Феодор вернулся к управлению Тобольской епархией, продолжая при этом крестить сибирских язычников. Так, в частности, в 1716 и 1718 гг. он совершил две поездки в Сургутский уезд, а в 1726 г. им была предпринята в целом неудачная попытка обратить в христианство коренных жителей Обдорского края [см. об этом: Огрызко, 1941].

В результате миссионерской деятельности Филофея (схимонаха Феодора) и его помощников на Обском Севере стали возникать новые православные приходы. Уже в сентябре 1713 г. появился указ сибирского губернатора, в соответствии с которым березовские остяки должны были «в каждой волости сделать по церкви», причем представителям светских властей повелевалось выделить на это казенные средства «и иконников нанять в Тобольске» [СПБО АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 16, 252–253]. Кроме того, значительные пожертвования на церковное строительство сделали сам князь М. П. Гагарин и схимонах Феодор. Что касается священников и церковного причта в приходских храмах у новокрещеных, то они брались на государственное обеспечение.

После смещения с должности сибирского губернатора князя М. П. Гагарина, обвиненного в казнокрадстве и взяточничестве и впоследствии казненного, отношение местных светских властей к миссионерской деятельности изменилось, причем не в лучшую сторону. В 1720 г. новый губернатор князь А. М. Черкасский даже предложил Сенату вообще прекратить строительство церквей у новокрещеных за счет государственных средств, не давать жалованья священникам, служившим в них, и не «награждать иноверцев при крещении из казны». Одновременно был увеличен ясак, бравшийся с новокрещеных. Владыка Феодор с трудом сумел сохранить прежнее положение, причем его поддержал сам царь Петр, пославший ему особую «похвальную грамоту», в которой отмечались его выдающиеся миссионерские заслуги. Кроме того, сенатским указом от 1 сентября 1720 г. были установлены различные поощрения для новокрещеных [см.: Миненко, 1975, 271].

Для дальнейшего развития христианизации в Березовском крае владыка Феодор закрепил специальные миссионерские функции за игуменом березовского Воскресенского монастыря Гедеоном и за настоятелем кодинской Троицкой обители Зиновием [см.: Абрамов, 1998, 181]. Священникам остяцких приходов велено было три раза в год объезжать паству на казенных подводах для совершения духовных треб. Делалось это, однако, нерегулярно, к тому

же многие миссионеры не владели языком коренных жителей, поэтому влияние миссии на новообращенных христиан было слабым и весьма поверхностным.

Но вернемся к церквям города Березова. В начале XVIII в. умершего протопопа соборной церкви Рождества Богородицы Макария Федорова сменил поп Савин Васильев, занимавший здесь до этого должность диакона, а диаконом соответственно стал Тимофей Васильев. Однако в 1712 г. умер и поп Савин, на место которого из Воскресенской монастырской церкви перевели Василия Антонова, а на его должность назначили попа Петра Семенова (вторым воскресенским попом все еще оставался Никита Иванов). Рождественским пономарем был в это время Петр Аврамов, просвирицей – прежняя Марьица Павлова. Что касается Одигитриевской церкви, то из старых попов здесь служил Павел Яковлев, а вместо Антония Осипова появился новый поп Яков Тимофеев. С упразднением должности диакона исчез из Одигитриевской церкви и Андрей Иванов. Теперь дьячком в ней числился Иван Редозубов [см.: РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1580, 24 об.–25].

В 1719 г. в Березове произошел страшный пожар, практически полностью уничтоживший Малый и Большой остроги, а вместе с ними Богородице-Рождественский собор и приходские Ильинскую, Одигитриевскую и Воскресенскую церкви.

Уже к началу 1720-х гг. неподалеку от бывшей приходской Воскресенской церкви березовские казаки возвели на свои средства новую, освященную во имя великомученика Димитрия Солунского, главного покровителя сибирского воинства (как известно, именно в день этого святого, приходившийся на 26 октября, дружина Ермака овладела в 1582 г. «градом Сибирью»). Что касается церкви Рождества Богородицы, то она на старом месте больше не восстанавливалась.

Пожар 1719 г. не затронул Воскресенский мужской монастырь и стоявшую рядом с ним одноименную церковь с приделом во имя святых Антония и Феодосия Печерских. Оказавшись единственным действующим ружным храмом, она какое-то время выполняла функции соборной. Но уже после постройки на прежнем месте Одигитриевской церкви соборной стала считаться она. Наконец, в 1730-х гг. на посаде, рядом с церковью Димитрия Солунского, был воздвигнут новый приходской храм, освященный, как и ранее стоявший здесь, во имя Воскресения Христова. По всей видимости, во избежание путаницы за бывшей монастырской церковью закрепилось впоследствии ее второе название – Спасская.

Называя монастырскую церковь «бывшей», я не оговорился. Дело в том, что в 1723 г. березовский Воскресенский монастырь в очередной и теперь уже в последний раз был «за малолетством» закрыт, а его братию – игумена и двух монахов – перевели в кондинскую Троицкую обитель. Вскоре после этого монастырские строения, стоявшие на холме между двумя оврагами, обнесли острожной стеной и превратили в место для содержания ссыльных государственных преступников. Уже в апреле 1728 г. сюда был отправлен с семь-

ей оказавшийся в опале светлейший князь А. Д. Меншиков, которому суждено было прожить в этом остроге вплоть до своей смерти, наступившей 12 ноября 1729 г. В 1730–1740-х гг. здесь отбывали ссылку князя Долгоруковы, затем граф А. И. Остерман, а в 1750–1770-х гг. его узником являлся поляк Я. Гонтковский, обвиненный в шпионаже в пользу Пруссии [см., например: Зуев, Миненко, 1992, 66–101; Очерки, 2000, 264–265].

Сразу же по прибытии в Березов А. Д. Меншиков принялся за строительство рядом с тюремным острогом нового храма – во имя Рождества Богородицы, с приделом в честь Ильи Пророка. После того как эта церковь была освящена, князь стал выполнять при ней обязанности пономаря. Возле нее его и похоронили. В 1740 г. участники академической экспедиции астронома Ж.-Н. Делиля с колокольни Одигитриевского собора осматривали «острог, или темницу государственных преступников». Находившийся в составе экспедиции профессор Т. Кенигсфельд записал в своем дневнике: «Здание это расположено за маленькою речкою, чрез которую сделан мост. Карпов (начальник караула. – *А. III.*) указывал и дом, в котором живет там сам, так как обязан постоянно быть при карауле (в остроге содержались тогда Н. Б. Долгорукова и двое ее малолетних сыновей. – *А. III.*). В то же время видели и церковь, сооруженную князем Меншиковым» [Пекарский, 1865, 25]. Пользуясь случаем, Кенигсфельд сделал несколько рисунков с видами Березова.

Побывавший в том же 1740 г. в Березове Г. Ф. Миллер дал ему следующую характеристику: «Город состоит в первую очередь из обнесенной палисадом маленькой четырехугольной крепости, у которой сторона вдоль берега Сосьвы равна 20 сажням, а длина каждой из 3 остальных сторон равна 30 сажням. На ее 4 углах начато строительство боевых башен, но не закончено. Ворота с верхней стороны реки защищены башней. В крепости находятся канцелярия, дом воеводы и обычные амбары. Вне крепости имеется, в первую очередь, рядом с воротами соборная церковь, посвященная Св. Деве Марии, с дополнительным именем Одигитрия. Выше и ниже крепости имеются 4 приходские церкви, которые, однако, учитываются как две, поскольку по две церкви снабжены лишь одним священником. Также с давних пор было лишь две церкви, и лишь немного лет назад при каждой старой была пристроена новая. Первая из указанных старых церквей носит имя Святого Димитрия Селунского (здесь и далее в цитате выделено самим Г. Ф. Миллером; разрядка наша. – *А. III.*), новая при ней – Воскресения Христова. Другая старая церковь также Воскресения Христова, а новая при ней – Рождества Богородицы (построена в 1729 г. А. Д. Меншиковым. – *А. III.*). Там, где стоят эти две последние церкви, раньше был мужской монастырь...» [Сибирь XVIII века, 1996, 233–234].

Через два десятка лет после появления этого описания в Березове произошли заметные изменения. Старая приходская церковь Димитрия Солунского перестала существовать. Была закрыта и бывшая монастырская Воскресенская (она же Спасская) церковь, куда наряду с Богородице-Рождественской меншиковской ходили некогда молиться узники тюремного острога. Очевидно, в память об этих временах княгиня Е. А. Долгорукова прислала

сюда в 1764 г. богослужебные книги, две из которых – Апостол и Молебник – видел в 40-х гг. XIX в. Н. А. Абрамов [см.: Абрамов, 1998, 498]. Поскольку прежней церкви уже не было, этот вклад оказался в стоявшем на посаде приходском Воскресенском храме, который местные жители также стали называть Спасским. Позднее, в 1806 г., он, к тому времени уже закрытый, был уничтожен пожаром.

За несколько месяцев до того, как княгиня Е. А. Долгорукова отправила в Березов свой книжный вклад, здесь произошла еще одна утрата: в ночь на 20 февраля 1764 г. из-за халатности пьяного сторожа Петра Федорова, не потушившего перед уходом свечку, прилепленную к деревянной полке, сгорела меншиковская Богородице-Рождественская церковь. В огне погибла вся дорогая утварь, вложенная сюда князьями Меншиковыми и Долгоруковыми [см.: Там же, 507]. В том же году тобольским митрополитом Павлом Конюсевичем была дана грамота на строительство на ее месте новой. Через год однопрестольный каменный храм во имя Рождества Богородицы был заложен. В 1768 г. с благословения того же митрополита и на средства березовского отставного сержанта Данилы Канкарева к нему стали пристраивать деревянный придел во имя святых Антония и Феодосия Печерских. Наконец, 14 июня 1777 г. освятили теплую придельную церковь, а 7 сентября 1786 г. – летнюю Богородице-Рождественскую [см.: Там же, 1998, 502–503].

Через год рядом со Спасской (бывшей Воскресенской) церковью, находившейся в верхней части города, был заложен еще один каменный храм, освященный в 1792 г. также во имя Воскресения Христова. Новая приходская церковь имела два придела – в честь иконы Казанской Божией Матери и в честь святителя Николая Мирликийского.

Богородице-Рождественская и Воскресенская приходские церкви не были первыми каменными культовыми зданиями в Березове. Таковым являлся двухэтажный собор во имя Божией Матери Одигитрии, построенный вместо деревянного не позднее конца 1750-х гг. Однако из-за непрочного фундамента храм довольно быстро стал разрушаться и к концу XVIII столетия находился уже в аварийном состоянии, в связи с чем его протоиерей Андрей Андреев (Камперов), внук пленного шведского офицера Карла Эска (Карпа Андреева), сподвижника митрополита Филофея, одновременно занимавший должность березовского духовного заказчика, предложил построить рядом с каменным деревянный Одигитриевский собор. Этот временный храм появился, но так и не был освящен. Во время большого пожара в Березове, случившегося в 1806 г., он сгорел.

Между тем протоиерей Андрей Андреев и его родной брат Иакинф (Камперов), являвшийся в то время архимандритом Пыскорского Спасо-Преображенского монастыря [см.: Плотников, 1860, 23–34], стали хлопотать перед тобольским архиепископом Варлаамом (Петровым) о сооружении в Березове на их собственные средства нового каменного Одигитриевского собора с приделами в честь своих «ангелов» – святого Андрея Критского и мученика Иакинфа. 12 марта 1790 г. благословенная грамота на эту постройку была получена, и работы по возведению храма начались. Однако в 1793 г. архи-

мандрит Иакинф был убит в соликамском Вознесенском монастыре. Затем, в самом конце XVIII в., умер отошедший от дел Андрей Андреев. Из-за этого строительство нового Одигитриевского собора прекратилось, а в 1834 г. его недостроенное здание было до основания разобрано [см.: Абрамов, 1998, 501–502].

В начале XIX в. старый Одигитриевский собор был окончательно закрыт. Его имущество, в том числе иконы и книги, передали в каменный Воскресенский храм, который с 1810 г. стал считаться соборным. В течение последующего времени Воскресенский собор и приходская Богородице-Рождественская церковь гордо стояли на разных концах города.

Исчез в начале XIX в. и тюремный острог, некогда возведенный на месте Березовского Воскресенского монастыря. «Есть в Березове старые люди, – писал по этому поводу Н. А. Абрамов, – которые помнят бывший в остроге дом и одну тыновую из толстых бревен стену, разобрannую по ветхости около 1790 года, а дом, или иначе казармы, сгорел в пожар 1806 года» [Абрамов, 1998, 507].

Абрамов Н. А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998.

Буцинский П. Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий, Герасим (1625-1650 гг.) // Буцинский П.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. Тюмень, 1999.

Головин П. Исторические очерки ныне существующих монастырей Тобольской епархии // Календарь Тобольской губернии на 1892 год. Тобольск, 1891.

Зуев А. С., Миненко Н. А. Секретные узники сибирских острогов (очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в.). Новосибирск, 1992.

Кочедыков В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978.

Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году // Путешествия по Обскому Северу. Тюмень, 1999.

Летописи сибирские / Сост. и общ. ред. Е. И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 1991.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. 2-е изд., доп. М., 1999.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. 2-е изд., доп. М., 2000.

Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.. Новосибирск, 1975.

Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. М., 1941.

Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995.

Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000.

Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882.

Пекарский П. Путешествие академика Николая Иосифовича Делиля в Березов в 1740 г. СПб., 1865.

Первое столетие сибирских городов. XVII век / Изд. подгот. Н. Д. Зольникова, А. И. Мальцев, Д. Я. Резун при участии А. А. Бродникова и И. Ю. Просекова. Новосибирск, 1996. (История Сибири. Первоисточники. Вып. 7).

[*Плотников Г.*] Архимандрит Иакинф // Пермский сборник. Кн. 2. М., 1860.

Покровский Н. Н. Сибирское дело о десятильниках // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986.

Приклонский А. Пертоминский архив: Описание рукописей Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря, хранящихся в Музее Соловецкого общества краеведения, XVII–XVIII вв. Соловки, 1927.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 214 (Сибирский приказ),

оп. 1, кн. 67, 140, 341, 398, 489, 777, 932, 1099, 1121, 1451, 1461, 1580; оп. 3, стб. 60, 134, 289, 400; оп. 5, д. 6.

РИБ – Русская историческая библиотека. Т. 2. СПб., 1875.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / Изд. подгот. А. Х. Элерт. Новосибирск, 1996. (История Сибири. Первоисточники; Вып. 6).

СПбО АРАН – Санкт-Петербургское отделение Архива Российской академии наук. Ф. 21 (Сибирский архив Г. Ф. Миллера), оп. 4, д. 16.

Сулоцкий А. И. Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии // Сулоцкий А. И. Соч.: В 3 т. Т. 1. Тюмень, 2000.

Сулоцкий А. И. Челобитная митрополита Сибирского и Тобольского Филофея Лещинского Петру Великому и ответ сего государя на нее // Сулоцкий А. И. Соч.: В 3 т. Т. 2. Тюмень, 2000.

Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. (История Сибири. Первоисточники; Вып. 4).

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т. 1. Факсим. изд. М., 2003.

Чумичева О. В. Соловецкое восстание, 1667–1676. Новосибирск, 1998.

Д. О. Лоевский, Д. А. Никульшин

К ВОПРОСУ ОБ ЕРЕСИ ПАВЛИКИАН В ВИЗАНТИИ

В современном российском обществе все большее распространение получают разнообразные сектантские и еретические учения, число жертв которых на сегодняшний день исчисляется сотнями тысяч. При этом до сих пор остается нерешенным вопрос об отношении государства к таким «организациям». Действующий закон о свободе совести (вероисповедания) составлен по старому русскому принципу: закон, что дышло – как повернешь, так и вышло. Он не только не решает проблему сект, но и усугубляет ее. Чаще всего вопрос о запрещении разнообразных тоталитарных сект, опасных как для отдельных людей, так и для общества в целом, трактуется как религиозная нетерпимость, отсутствие религиозной толерантности и нарушение свободы совести. Делается ли это намеренно или имеет место банальная преступная халатность? На этот вопрос точного ответа, наверное, мы никогда не узнаем. При этом как основной аргумент разрешения свободной деятельности сект в нашей стране приводится состояние западного общества, где, якобы, секты, имея полную свободу действий, не наносят западному обществу и государству никакого вреда. Однако на Западе, по крайней мере в Европе, еще с начала 1980-х гг. началась борьба отдельных государств в частности и Совета Европы в целом с тем ущербом, который секты наносят государству. Так, во Франции существует отдельное министерство, занимающееся проблемой сект, и даже Межминистерская миссия по борьбе против сект при премьер-министре Франции. Возглавляющий эту миссию министр Французской республики Ален Вивьен выступил на конференции «Тоталитарные секты – угроза